

Афиша Париж - Европа

Веб-журнал "Европейская Афиша" №6, 12/06/2011 – www.afficha.info

Морской ноктюрн Патриса Шеро.

Екатерина Богопольская

Спектакль «I am the Wind», «Я - ветер», вторая часть диптиха Шеро по пьесам норвежца Й.Фоссе, поставленный этой весной в Лондоне (Young Vic Theater), показали в начале июня в Париже, в театре de la Ville.

Рампа упразднена, сцена в форме длинного прямоугольника выдвинута глубоко в зал, так что зрители первых рядов усаживаются прямо по краешку площадки, усыпанной гравием. Пол сцены покрыт темной водой, и вся конструкция заканчивается черной аркой, за которой на заднике открывается голубовато-серое пространство, видимо горизонт.

Потом появятся двое, названные Фоссе «Один» и «Другой» (английский перевод сделан драматургом Саймоном Стивенсом). «Один», с голым торсом, измученный, вымокший, едва держится на ногах. «Другой» подхватит его на руки, прижмет к себе, а потом скинет с себя свитер и с величайшей нежностью натянет на голое продрогшее тело Одного, словно обволакивая своей нежностью. За сценой негромко звучит протяжный стон гармоники. После этой любовной преамбулы сильнее всяких слов и будут сказаны первые слова. Слова туманные. «Я не хотел. Я сделал это, и все. И еще я ушел вместе с ветром». Смысл высказывания прояснится только в финале, закольцованном, как рондо, теми же словами: «У меня нет больше тяжести. Я больше не боюсь. Я ушел вместе с ветром. Я – ветер». Между прологом и финалом будет путешествие на плоту в ночь, в неизвестность. Из набора простых коротких фраз становится ясно, что Один - из друзей? Любовников? хочет умереть, уйти, его притягивает морская бездна, Другой хочет его спасти, привязать к жизни. Зачем жить? - говорит Один. Зачем умирать? - отвечает Другой. Экзистенциальное отчаяние, с такой силой забирающее в первых сценах, постепенно укладывается в нехитрую схему жестокого романа, «ты правишь в открытое море, где с бурей не справишься нам, в такую шальную погоду нельзя доверяться волнам». Один исчезает в морской бездне. Что остается другому? Путь к маяку по неверным волнам.

Сценограф и соратник Шеро, Ричард Педуцци создает эффект настоящей морской бури, среди которой, кренясь в разные стороны, плавают плот. Эффект самый что ни на есть реальный, доподлинный,

между тем, Фоссе в предисловии настаивает, что «пьеса должна быть сыграна на воображаемом корабле, едва подразумеваемом. Все действия персонажей тоже воображаемые и не должны выполняться, но лишь подразумеваться». А здесь сложное гидравлическое устройство, благодаря которому плот то появлялся на водной поверхности, то исчезал, и все это происходило на наших глазах, под шум воды, и водные брызги буквально доходили до первых рядов, тогда как актеры на плоту старательно изображали морскую качку и тд. Конечно, все это искусное приспособление впечатляет до крайности, но заставляет сожалеть о том, что Шеро до конца не доверился прелести недосказанности – в какой-то момент поэзия отступила перед жанровой картинкой, со шнапсом, качкой, и бесконечным туманного содержания словоблудием (текст временами кажется выражением каких-то общих мест романтического бунта, «а он, мятежный, просит бури, как будто в бурях есть покой» или уже упомянутого «он правит в открытое море...») и одним романтическим утопленником для апофеоза. А может быть и двумя сразу – неясно вырубил ли Другой в самом деле к маяку, или просто в невесомом полете в морскую пучину соединился с другом, которому прыжок в бездну принесет долгожданное успокоение, когда можно будет выдохнуть столь же долгожданное «Я - ветер».

Photo Simon Annand

Этот короткий спектакль, который длится всего один час, задуман Шеро как своеобразная поэма на два голоса. И все держится на двух великолепных английских актерах, Томе Бруке (Один) и Джеке Лески (Другой). Уязвимость, потерянности вечного подростка (Брук), страстная сила жизни (Лески) выражены через игру, очень физически осязаемую, и одновременно, переливающуюся тончайшими нюансами, заставляя вспомнить о звездных часах Шеро 80-х. Непонятно, отчего режиссер не захотел довериться только им и воображению зрителя. Зачем нужна была эта изощренная сценическая машинерия? Так что через полчаса все становится ясно и, если признаться честно, немного скучно.